

Глава 19

В Цзяннани и столице праздничные обычаи различались. Едва солнце скрывалось за горизонтом, как на улицах один за другим вспыхивали фонари, сливаясь в призрачную сияющую реку, уходящую в бесконечную даль.

Чу Чжаохуай уже истратил всё, что взял с собой, но если ему на глаза попадалась какая-нибудь занятная вещица, он всё равно без зазрения совести останавливался поиграть.

Когда терпение торговца подходило к концу, юноша делал вид, будто его кто-то зовет: «Ой, иду-иду!» — и, громко выкрикивая ответ, пускался наутек.

Этим нехитрым способом он обошел всю улицу, не потратив ни единого медного гроша.

Время близилось к ночи, но Чжаохуай никак не мог уgomониться. Присев на корточки у лавки со всякой всячиной, он заворожено рассматривал бронзовое зеркальце — это должна была быть последняя забава перед возвращением в усадьбу.

Зеркало явно привезли из Западного Края: его украшали самоцветы, а поверхность была настолько гладкой, что отражение казалось невероятно четким.

Приложив вещицу к лицу, скрытому вуалью, юноша неуловимым движением руки слегка наклонил его, направив в сторону толпы.

Позади стояли несколько рослых мужчин, которые делали вид, будто что-то выбирают. Однако на самом деле их взгляды были прикованы к нему.

Это не было игрой воображения. За ним действительно следили.

Сердце Чу Чжаохуая пропустило удар.

«Неужели убийцы из Цзяннани добрались до самой столицы?»

Он никак не мог вспомнить, кому из сильных мира сего умудрился перейти дорогу. Юноша всегда лечил простой народ и брал за это сущие крохи. Самым серьезным его делом было спасение сына префекта от яда.

«Неужели префект решил отплатить злом за добро?»

Чу Чжаохуай продолжал внимательно наблюдать за окружением через маленькое зеркальце.

Торговец наконец не выдержал:

— Эй, парень, ты покупать-то будешь?

Чжаохуай прибежал к старой уловке. Отложив зеркало, он вскочил на ноги:

— Бегу, уже бегу!

С этими словами он быстро свернул в неприметный пустой переулок неподалеку.

Следившие за ним люди тут же бесшумно рассредоточились и, сохраняя бдительность, последовали за ним.

В переулке фонарей не было, лишь слабые блики с главной улицы позволяли разглядеть неясные тени. Преследователи обменялись короткими взглядами и, не проронив ни звука, вошли в темноту.

Внезапно в глубине переулочка раздалось несколько глухих ударов — так падают на землю тяжелые тела.

Чу Чжаохуай неспешно вышел из мрака. Из его широких рукавов всё еще осыпались остатки тончайшего лекарственного порошка.

Он медленно оправил подол своих одежд, небрежно стряхивая крупинки снадобья, и рассеянно подумал:

«Хм, та головоломка «Хуарондао» была весьма недурна. Сыграю еще одну партию и пойду домой»

Юноша двинулся прочь, его плащ на миг взметнулся, описав в воздухе изящную дугу.

А позади него, в грязном закоулочке, вповалку лежали мужчины без малейших признаков сознания.

Растраченные пять лянов серебра сослужили добрую службу: слухи распространялись со скоростью лесного пожара.

Когда Чу Чжаохуай, вдоволь нагулявшись, вернулся в усадьбу, сплетни уже всюду гуляли по городу, и у каждого жителя столицы в голове вертелась одна и та же мысль.

«Цзин-ван и впрямь лишился рассудка»

За все эти годы Цзи Сюнь прослыл человеком с железной хваткой и ледяным сердцем. В ходе придворных распрей он с легкостью уничтожал целые семьи, а убийство прямо на городской площади было для него делом обыденным.

И такого «Бога Несчастий» называть милосердным?

Тьфу.

Разумеется, вслух об этом никто не заикался. Люди лишь втихомолку проклинали его, а на людях с притворным изумлением восклицали:

— Кто бы мог подумать, что Цзин-ван так страдает слабым! Как же несправедливо его оклеветали досужие слухи.

Солнце окончательно зашло.

В свете мерцающих свечей «добрый» Цзин-ван в своем кабинете изучал донесение, присланное из области Цзиньлин.

Инь Чжуншань докладывал:

— Новый Бучжэнши только вступил в должность, а уже, похоже, нацелился на счета военных полей. В Цзиньлине сейчас стоит засуха, и в хранилище с учетными книгами случился пожар. Однако он, будто предвидя это, переключился на проверку частных шахт. Второй пожар разжечь будет куда сложнее.

Цзи Сюнь лишь небрежно хмыкнул и, подхватив со стола кусок мяса, лениво бросил его вниз.

Из-под стола внезапно показалась мохнатая голова. Это был огромный снежный волк, статью превосходящий обычных собратьев. Даже на расстоянии нескольких чжанов от этого зверя у любого мороз пошел бы по коже.

Волк оскалился, на лету поймал угощение и, пару раз клацнув челюстями, проглотил его. Затем он снова лениво разлегся у ног Ванъе и, вильнув хвостом, прикрыл глаза.

Дело было серьезным: любая оплошность могла навлечь обвинение в мятеже. Командующий Инь с суровым видом ждал указаний господина.

Но Цзи Сюнь лишь спросил:

— Ванфэй вернулся?

Инь Чжуншань: «...»

Мужчина едва не поперхнулся. Набрав в грудь побольше воздуха, он ответил:

— Докладываю Ванъе: Ванфэй всё послеобеденное время слушал на улице «сплетни». Насладившись ими вдоволь, он вернулся в усадьбу и сейчас, должно быть, ужинает.

— Хм.

Инь Чжуншань, видя столь глубокую сосредоточенность господина, вновь посерьезнел:

— Неужели Ванфэй связан с тем Бучжэнши...

Князь неспешно бросил волку еще один кусок мяса:

— Нет, просто спросил.

Инь Чжуншань: «...»

В этот момент вошел гвардеец с докладом:

— Ванъе, сегодня, когда Ванфэй покидал усадьбу, мы обнаружили группу людей, тайно следивших за ним. Скорее всего, люди Наследного принца.

Цзи Сюнь, не поднимая головы, бросил:

— Избавьтесь от них.

Гвардеец замялся:

— Ванфэй уже сам с ними расправился.

Рука князя, поглаживавшая волка, замерла. Он вскинул взгляд:

— Как?

— Когда Ванфэй вошел в переулок, те люди решили, что настал подходящий момент, и хотели напасть. Но через некоторое время из закоулка вышел один лишь Ванфэй, — пробормотал стражник. — Мы пошли проверить и обнаружили тех людей без сознания — они были отравлены. Сейчас их связали и доставили в усадьбу, они ждут решения Ванъе.

Инь Чжуншань нахмурился:

— Вы уверены, что это дело рук Ванфэя?

— В переулке больше никого не было.

Инь Чжуншань жестом отослал гвардейца и в раздумье произнес:

— Чу Чжаохуай рос в семье Бай в Линьани, наверняка он нахватался основ врачевания. Да и в брачную ночь он, кажется, почуял яд в курильнице.

Цзи Сюнь подпер голову рукой, и в глазах его вспыхнул опасный интерес.

Линьань, семья Бай. Искусство ядов?

Чу Чжаохуай снова чихнул.

Закончив ужинать, он при свете лампы уселся за маленький столик что-то писать.

Если присмотреться, вся бумага была испещрена записями — Чжаохуай кропотливо вел учет своего имущества, внося туда даже самые ничемные медные монетки. Он добавил к списку приданое госпожи Бай, аккуратно вписал пожалованную во дворце сотню золотых и, подперев щеку ладонью, замер в ожидании, пока просохнут чернила.

«Сейчас в столице вовсю трубят о том, что молодой маркиз готов отдать жизнь и сердце Цзинвану. Чу Цзин наверняка явится ко мне со дня на день. Интересно, захочет ли он выслать меня из города или предложит какую-то сделку?»

Если усадьба Чжэньюань согласится сообщить о подмене, Цзи Сюнь может просто выставить его вон. Чу Чжаохуай решил подготовиться к любому исходу и начал раздумывать, как бы улучшить момент и проверить пульс князя.

Пока он размышлял, за дверью раздался знакомый скрип колес. Цзи Сюнь вернулся.

Чжаохуай поспешно надел повязку на глаза и замер, прислушиваясь к звукам снаружи.

Мужчина поднялся с кресла. Послышались шаги. Сел на край кровати. Разделся. Лег.

Чу Чжаохуай замер, охваченный недоумением.

«Звук этих шагов... Совсем не похоже на походку настоящего калеки»

Если с ногами всё в порядке, зачем он целыми днями бездельничает в инвалидном кресле,

закинув ногу на ногу?

Этого юноша понять не мог.

Пока он размышлял, раздался голос Цзи Сюня:

— Ванфэй еще не спит?

Чу Чжаохуай кашлянул и принялся нести привычную чепуху:

— В спальне так громко дышат тайные стражники, что я никак не могу уснуть.

Брови князя поползли вверх.

Стражники, затаившиеся на балках и крыше: «?»

«Он даже это слышит?»

Цзи Сюнь усмехнулся и слегка повел рукой. Теневые воины, поколебавшись, один за другим покинули комнату.

Инь Чжуншань, дежуривший снаружи, увидел, как из покоев выходит целая толпа. Он нахмурился:

— Что случилось?

Стражники пробормотали:

— Ванфэю не нравится, как мы дышим. Слишком громко. Вот Ванъе нас и выставил.

Двое из них встали друг напротив друга и принялись усиленно дышать, проверяя звук.

— Ну как, слышно?

— Я десять лет потратил на практику, и то ничего не слышу!

Инь Чжуншань промолчал, но взгляд его стал решительным.

«Ну конечно. Это наверняка проверка. Хозяин хочет увидеть, решится ли Чу Чжаохуай навредить ему, оставшись без охраны. Ловля на живца — отличный ход»

Когда в комнате воцарилась тишина, Цзи Сюнь спросил:

— Теперь не шумно?

Чжаохуай поспешно затряс головой:

— Нет-нет, совсем не шумно! Я уже засыпаю.

С этими словами он единым выдохом задул свечу, юркнул в постель и зажмурился, притворяясь спящим.

Он планировал лишь немного подремать, пока муж не уснет крепким сном, а затем выбраться и тайком проверить его пульс. Однако в жаровнях у кровати-алькова так уютно потрескивал уголь, что юноша и сам не заметил, как провалился в глубокий сон.

Когда он наконец открыл глаза, небо за окном уже начало бледнеть — близился рассвет.

Чу Чжаохуай сел, потирая глаза. Ему потребовалось время, чтобы вспомнить о своем плане. Сонный, он накинул халат и спустился с постели.

Зажигать свет он не решался, а потому в слабом лунном свете на цыпочках двинулся к выходу из алькова. На этом коротком пути он несколько раз больно ударился пальцами ног о шкаф. Боль была такой, что хотелось подпрыгнуть и завыть, но юноша лишь до крови закусил палец, сдерживая стон.

Окна спальни, как обычно, были распахнуты настежь. Лунный свет падал прямо на Цзи Сюня, мирно спавшего с закрытыми глазами.

Чжаохуай, кривясь от боли в ушибленных ногах, немного посидел на скамеечке для ног, переводя дух. Оглядевшись по сторонам, он шепотом позвал:

— Защищайте Ванъе!

Никто не соскочил с балок подобно птице. Похоже, стражники и впрямь ушли.

Глубоко вдохнув, Чу Чжаохуай осторожно протянул руку к запястью князя.

Ходили слухи, будто Цзин-ван из-за тяжелой болезни принимает сильнодействующие лекарства. Наблюдая за ним всё это время, Чжаохуай заподозрил, что речь идет о Порошке пяти минералов — Ушисани. Император жаловал ему редкие снадобья, так что подозрения были не беспочвенны.

Юноша был одарен в медицине и обладал феноменальной памятью. Едва коснувшись пульса, он уже начал перебирать в уме старинные рецепты. Стоит только поставить верный диагноз, и болезнь Цзи Сюня...

На этой мысли брови Чжаохуая внезапно дрогнули. Он вскинул взгляд на это холодное, словно камень, запястье.

Такой пульс...

Но прежде чем он успел осознать увиденное, мертвенно-бледная в лунном свете рука внезапно шевельнулась. Без единого звука она перехватила ладонь юноши, крепко сжав её.

Чжаохуай вздрогнул от неожиданности.

В полумраке раздался вкрадчивый голос Цзи Сюня:

— Глубокая ночь. Что же это делает Ванфэй?

Чу Чжаохуай: «...»

В ту же секунду с грохотом распахнулась дверь. В комнату ворвался Инь Чжуншань, а за ним хлынули стражники. Каждый источал жажду крови.

— Убийца!

— Защищайте Ванъе!

В спальне вспыхнули десятки свечей. Чу Чжаохуай от ужаса замер, чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди. Он едва не лишился чувств на месте:

— Я... я... нет...

Он вовсе не собирался убивать князя!

Рука Цзи Сюня была ледяной, словно у мертвеца. Он крепко держал запястье Чжаохуая и, прежде чем тот успел опомниться, с легкостью дернул его на себя.

Юноша, не удержавшись, повалился на кровать, едва не оказавшись в объятиях Ванъе.

Князь негромко произнес:

— На полу холодно. Поднимайся и говори.

Чу Чжаохуай был бос, его пальцы на ногах уже начали синеть от ушибов. Он никогда в жизни не совершал дурных поступков, а потому, заикаясь, попытался оправдаться:

— Я не... я просто хотел...

Цзи Сюнь с усмешкой во взгляде ждал продолжения: мол, и что же ты хотел?

Слова о проверке пульса едва не сорвались с губ юноши, но он вовремя прикусил язык.

Чу Чжаоцзян понятия не имел о медицине. Если он признается, Цзи Сюнь мгновенно заподозрит неладное.

Чу Чжаохуай в смятении обвел взглядом стражников. Он набрал в грудь воздуха и, внезапно успокоившись, выпалил:

— ...Я просто хотел быть ближе к Ванъе.

Цзи Сюнь: «...»

Стражники: «...»

<http://bllate.org/book/15341/1372782>